

НИКОГДА еще Вагиф так легко не ходил по земле, как в тот день.

В тихом, безлюдном переулке он увидел автобус, обвешанный языками пламени. В машине, в отчаянии прижавшись к стеклу, кричали мальчишки и девочки.

Юноша ворвался в пламя и, схватив, сколько мог, в охапку ревуших ребятшек, вынес их из огненного пекла. Затем вновь и вновь поднимался в автобус. И лишь когда был вынесен последний ребенок, силы оставили его.

«Ампутация» — слово это дошло до его сознания раньше, чем он открыл глаза.

— Он должен ходить, — умоляли врача родители детей, которых Вагиф спас.

— Вы будете ходить, — сказал Ариф Аббасов, профессор Московского онкологического института. Он любил братья за «безнадежные случаи» и добиваться успеха. — Только вопрос: вы сильный человек?

— Он вам поможет, — за сына ответила его мать. Шовкет-ханум.

Сказала просто, ровным голосом, за которым ни внутреннего напряжения, ни крика: война, голод, воспитание троих детей без мужа (он не вернулся с войны) научили ее встречать испытания спокойно, без паники.

Несколько месяцев врач фактически заново «лепил» ноги парню. В Баку Вагиф вернулся победителем: ходил без посторонней помощи. Но за победу он дорого заплатил — друзья находили, что очень изменился. А он знал, что дело совсем в другом: пройдя через пламя, оставил все наносное, временное: все в нем выкристаллизовалось яснее, четче, направленнее, что ли, стало. Теперь он подходил на мать, только в его облике отсутствовала покорность судьбе: ему больше импонировала способность его однофамильца доктора Аббасова «бросать перчатки трудностям». Вагиф хорошо знал теперь цену этой способности.

Подготовившись, он успешно сдал в Москве вступительные экзамены и стал студентом режиссерского факультета ГИТИСа. В столице он изучает творчество больших мастеров сцены, часто бывает и в Ленинграде. А первые каникулы проводит в Прибалтике, в Паневежисе у Ю. И. Мильтниниса.

— Я поклонник вашего таланта. Хочу быть режиссером.

— На моих репетициях ровным счетом ничего особенного не происходит.

— Разрешите. Очень прошу.

— Я же вам сказал.

Мильтнинис направился в зал, там его ждали артисты.

Точно в назначенное время он начинал работу и в последующие дни. Но однажды в самый разгар репетиции он вдруг повернулся лицом к темному окошку, что над галеркой (там в дни премьер поселяются со своей аппаратурой репортеры из телевидения), и громко произнес:

— Уважаемый бакинец, я знаю, что вы каждый день приходите сюда и, поднявшись в свою «сжворешню», не сводите с нас глаз. Товарищ Аббасов, вы добились своего, выходите из укрытия, садитесь рядом со мной. А мои реплики переведет артистка. Отныне я разрешаю присутствовать вам на всех репетициях.

Осваивая тайны ремесла у своего учителя, профессора

— Как в греческом театре, — шутили ребята.

И все-таки спектакль состоялся, потому что состоялись актеры. С первой же минуты исчезло отчуждение между «сценой» и «залом».

Когда «опустился занавес», собравшиеся долго аплодировали дебютантам. С успехом в следующие дни прошли и остальные пьесы. Вот тогда заволновалась общественность района. Да, конечно, сцена плохо устроена для постановки спектаклей на современном уровне. Да и зал не ахти какой! Но есть талантливые актеры и режиссер. Значит, есть театр! Первый секретарь райкома партии на следующий день позвонил в Министерство культуры.

советский характер

СКВОЗЬ ПЛАМЯ

И. М. Туманова, анализируя творчество крупных мастеров. Вагиф понимал, что мало только принять основные положения «системы», интереснее пройти вместе с художником весь мучительный путь его поисков. Тогда полнее раскроется итог, к которому пришел предшественник, и ты приобретешь вкус к поиску собственного пути.

С такой вот целью дипломированный выпускник ГИТИСа приехал в древний азербайджанский город Шеки. Министерство культуры республики решило открыть здесь драматический театр. Его главным режиссером стал Вагиф Аббасов. Главный режиссер! Звучит. Но ведь театра в полном смысле слова еще не было. Труппа — вчерашние выпускники Бакинского института искусств, помещение — старый клуб. Да и в Баку, кажется, поняли, что поспешили: надо бы сначала хорошенько подготовиться, а потом... А что если закроют театр? Пусть на время, но закроют. Как-то на месяц запоздала зарплата. Колеблющиеся еще больше засомневались. Некоторые уехали. Репетиции продолжались. Работа шла даже тогда, когда с наступлением зимы в клубе стало холодно.

— Дорогие шекинцы, мы подготовили три спектакля. Сегодня на ваш суд выносим первую работу — драму Самеда Вургуня «Комсомольская поэма».

Так говорил Вагиф Аббасов собравшимся в фойе клуба — пригласить зрителей в зал побоялись: еще простудятся. Пришлось играть без сцены, на пяточке, окруженном со всех сторон зрителями.

— Спасибо за ребят. Мы создадим все условия... Одним словом, приезжайте на премьеру.

Для того чтобы театр знали, надо, чтобы его смотрели. Шекинская труппа работоспособна, подвижна. Она играет и в условиях стационара, и в сельском клубе, и просто под открытым небом. И без скидок на условия артисты всегда выступают хорошо. Такая подвижность, постоянные встречи с новыми людьми выработали в них чувство зрителя, умение «чужих» увлечь, сделать «своими». Насколько это удается им, еще раз показали гастрольные шекинцев в Баку два года назад.

Зал был переполнен. Особенно бакинцам понравилась комедия Анара «Свой человек», написанная в стиле площадных азербайджанских фарсов. Спектакль удался настолько, что по нему стали вообще судить о коллективе. Говорили о его особом пристрастии к легкому жанру.

В начале прошлого года в Закаталах проходило совещание творческой молодежи республики. Вагиф пригласил собравшихся посмотреть новый спектакль. Шеки в нескольких километрах от Закатала. Многие сомневались: Вагифу удаются комедии, а тут трагедия. После спектакля подобных реплик не было слышно, успех решил все.

— Сцена мне представляется землей, а пьеса — семечком, брошенным в нее, — говорит Вагиф Аббасов. — И от нас — артистов, режиссеров — зависит, насколько пышно прорастет, реализуется то, что заложено в работе автора... Если мы добьемся

этого, тогда каждая хорошая пьеса может стать новым явлением в театре.

Вагиф хотел было мягко улыбнуться — привычка так завершать свои монологи, но вздрогнул, поморщился. Вот уже месяц, как он в Баку, дома. Врачи прописали ему постельный режим: ноют старые раны, откуда же черпает он силы?

— Театр вылечивает. Шутит, конечно. Как все влюбленные, он приписывает «объекту поклонения» самые неожиданные качества и свойства... в данном случае даже целебные.

Насколько научна «аббасовская сценотерапия», трудно судить. Но факт остается фактом: за месяц болезни Вагиф сделал так много, что начинаешь задумываться: а что если Аббасов прав? Вот посмотрите: уже готовы к постановке две новые пьесы начинающих авторов, рядом лежит тетрадь с записями о пьесе Брехта. Он давно мечтал поставить «Доброго человека из Сезуана». Теперь готов к этому. То и дело проведать его приходят друзья. И через минуту-другую забывают о Вагифе как о больном. Откровенно говоря, само это представление плохо согласуется с его образом. Лично мне он больше помнится в работе... Еще сильнее запомнился на репетиции, когда, чуть прихрамывая, он из темного зала шел на сцену, залитую ярко-красным светом... И тогда мне показалось, что он шел в пламя, как в тот поворотный в его судьбе день.

Ф. МУСТАФАЕВ,
наш соб. корр.

БАКУ.